

Юлий Айхенвальд

Валерий Брюсов

Оригинал здесь -- http://www.russianresources.lt/archive/Briusov/Briusov_3.html

Брюсов -- далеко не тот раб лукавый, который зарыл в землю талант своего господина: напротив, от господина, от Господа, он никакого таланта не получил и сам вырыл его себе из земли упорным заступом своей работы. Музагет его поэзии -- вол; на него променял он крылатого Пегаса и ему сам же правильно уподобляет свою тяжелую мечту. Его стихи не свободнорожденные. Илот искусства, труженик литературы, он, при всей изысканности своих тем и несмотря на вычуры своих построений, не запечатлел своей книги красотой духовного аристократизма и беспечности. Всегда на его челе заметны неостывшие капли трудовой росы. Недаром он на разные лады воспекает "суровый, прилежный, веками завещанный труд" и так прекрасно говорит о наследниках Микулы, век за веком проводящих свои борозды, --

А древние прашуры зорко
Следят за работой сынов,
Ветлой наклоняясь с пригорка,
Туманом вставая с лугов.

Его утешает мысль, что, пусть исчезнет с лица земли безвестный египетский раб, --

Но не исчезнет след упорного труда,
И вечность простоит, близ озера Мерида,
Гробница царская, святая пирамида.

Брюсов, один из рабов поэзии, помогает ценить и чувствовать красоту и бессмертие труда, его космическую роль, его мировую преемственность и необходимость; как и для Базарова, природа для него не храм, а мастерская. Но это находится в связи с тем, что сам он, чуждый легкости и грации, с душою принужденной и напряженной, поэт без поэзии, пророк без вдохновения, с глубокими усилиями пробирается через словесные теснины. То, что и великие поэты работали над стихом, -- это раскрывается лишь взору специалиста-исследователя, это мы узнаем только из их рукописей; между тем как у Брюсова об этом с нескромной и губительной для автора откровенностью говорит самое звучание его страниц, и показывает оно, что в муках рождения, в поте лица своего создавал он не только форму, но и самую концепцию, самое ядро своих стихотворений. Над всеми способностями духа преобладают у него прилежание и рассудок, и сухое веяние последнего заглушает ростки непосредственности и живой, святой простоты. Его стихи, лишенные стихийности, не сотворены, -- они точно вышли из кузницы, и даже мгновенья, свои излюбленные "миги", Брюсов куёт. Он не опускается в лоно бессознательного, в темные недра бытия; не великие матери природы вскормили его искусственное искусство. Чрезмерно внимательный к самому себе, слишком свободный от пленительного греха наивности, совершенно не разделяя пушкинского мнения, что поэзия должна быть "глуповата", он помнит себя и свою душу до мелочей. Свой собственный критик и комментатор, он в бесчисленных предисловиях и послесловиях, отягощающих слова, классифицирует и квалифицирует себя, заботливо распределяет себя по рубрикам и из прежних стихов своих бережливо нарезает эпиграфы для своих же новых произведений. Он собою обязал себя. Своей поэзии точно ведет он приходо-расходную книгу, и не столько он поэт, сколько занимается поэзией. Как в притворном безумии Гамлета, в его преднамеренном художестве видна система, и не убраны громоздкие леса методы. Специалист искусства, не только он, явно для всех, поставил ему подножием ремесло, как Сальери, но и оцепенел в своей эстетической профессиональности, и в самой широте своих сюжетов и сведений оказался узким, проявил нечто тесное и тупое, -- поэт-педант.

Сознательное, слишком сознательное в Брюсове царит настолько, что он не ошибается насчет себя, свою окоченелость сам замечает и даже возводит ее в канон. Это характерно, что в его стихах мы часто находим слово "стынуть": он стынет и на нежном ложе, и у дверей рая, и в жизни вообще. Он -- певец холода; но поэзии холода, его белой красоты, мы однако не видим у него. Он говорит о себе:

Как царство белого снега,
Моя душа холодна,